

СТАНОВЛЕНИЕ МАССОВОГО ТУРИЗМА В КРЫМУ (КОНЕЦ XIX - НАЧ. XX ВВ.)

THE ADVENT OF MASS TOURISM IN CRIMEA (END OF XIX - EARLY XX CENTURIES)

E. Rudenko

Annotation

The study comprehensively studied and reconstructed the process of formation of mass tourism on the Crimean peninsula in the late XIX – XX centuries. Particular attention is paid to the active policy of the Russian Empire in the merger and the initial development of the peninsula. Materials of guides and documents of a personal origin. The relevance of this work is due to the fact that based on the analysis of factual material to recreate the initial phase of development of resort and tourist complex is Crimea.

Keywords: Crimea, mass tourism, travel, monuments, guide.

Руденко Елена Николаевна

*Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь*

Аннотация

В исследовании комплексно изучен и реконструирован процесс становления массового туризма на Крымском полуострове в конце XIX – XX вв. Особое внимание уделяется активной политике Российской империи в присоединении и начальном освоении полуострова. Представлены материалы путеводителей и документов личного происхождения. Актуальность данной работы обусловлена тем, что на основе анализа фактического материала воссоздать начальный этап становления курортно-туристического комплекса Крыма.

Ключевые слова:

Крым, массовый туризм, путешествие, памятники, путеводитель.

В настоящее время туризм стал определяющим фактором социальной, экономической и культурной интеграции. Жизнь современного человека трудно представить без увлекательных путешествий в поисках чего-либо неизведанного и неповторимого, в особенности, если туристическая индустрия предоставляет широкий выбор стран на любой вкус. Этот выбор зависит, прежде всего, от мотивации человека, которая определяет вектор направления поездки: от культурно-познавательной до социально-экономической. Безусловным остается тот факт, что любая туристическая деятельность – это путешествие, а каждый турист – "Homo viator" (человек, который путешествует). Исторически сложилось так, что в человеческой ментальности лежит желание путешествовать на встречу с чем-то отличным от привычного, понять его, приспособиться к нему, расширить свой кругозор [1, с. 28].

В конце XVIII века освоению Крымского полуострова способствовала активная политика Российской империи, задача которой заключалась в формировании фонда государственных земель, в их продаже во владение торгово-промышленной буржуазии с целью инвестиционного развития черноморской торговли, и укреплении южных границ [2, с. 56]. Слова русского путешественника Н. С. Всеволожского являются подтверждением этому: "Крым, сам собою, и в политическом отношении, страна необхо-

димая для России. Во-первых, это ключ Азовского моря; он держит под своею властью всю торговлю Таганрога, Тамани и части полуденной России. Во-вторых, гавани его бесценны для нас, и в одной из них весь Черноморский флот помещается безопасно и утверждает за нами владычество Черного моря. Во всех своих частях, Крымский полуостров имеет начала внутреннего благосостояния. Даже в степной или верхней части, соленые озера и богатые пастбища для нас источники богатства" [3, с. 80]. Освоение этого живописного и плодородного региона для Екатерины II не представляло особых проблем, благодаря тому, что некогда сильное экономически и политически Крымское ханство было ослаблено, и уже ничто не могло помешать Российской империи расширять свои границы на юг.

Знаменательный манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 года "О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу" надолго включил Крым в сферу русских социально-экономических отношений. Присоединение и освоение полуострова было главной составляющей формирования общего пространства Российской империи как многонационального государства.

В центре внимания Екатерины II стояли следующие задачи: обеспечить безопасность южных областей и вы-

ход к Черному морю. Императрица указом от 10 февраля 1784 года повелела основать на Крымском полуострове военный порт с адмиралтейством, верфью, крепостью и сделать его военным городом. Была учреждена Таврическая область под управлением назначенного президентом военной коллегии Г. А. Потемкина, которая состояла из Крымского полуострова и Тамани. В начале 1784 года был заложен порт-крепость, названный Екатериной II Севастополем – "Величественным городом" [4, с. 190]. 22 февраля 1784 года Севастополь, Феодосия и Херсон были объявлены открытыми городами для всех народов, дружественных Российской империи.

Российская администрация решала проблему заселения "полуденного края" путем привлечения поселенцев с предоставлением им ряда привилегий. Военные освождались от уплаты каких-либо податей. Ученый Шарль-Жильбер Ромм, посетивший Крым в 1786 году, отмечал создание специальных солдатских слобод, отличающихся небольшой численностью [2, с. 55]. Остальные поселенцы – беглые крестьяне, казаки, иностранцы – имели льготы, регламентируемые русским правительством. В силу экономических, политических и религиозных причин иностранцы (греки, немцы, итальянцы, болгары, чехи, сербы, поляки, молдаване и другие поселенцы) переселялись на крымские земли. Российское правительство поддерживало переселение иностранных колонистов – они в большинстве своём стояли на более высоком уровне социально-экономического развития, использовали усовершенствованные орудия труда и прогрессивные сельскохозяйственные технологии. Судьба переселенцев зависела от того, сумеют ли они адаптироваться среди местного населения. Они быстро определили своё место в экономической и культурной сферах нового региона. Для мирного сосуществования представители разных национальностей и конфессий наладили хозяйственные, социальные и культурные связи.

С конца XVIII века курортное освоение Южного берега Крыма стало приоритетным среди экономических задач Российской империи. С одной стороны, курорты создавались для получения прибыли в русскую казну, а с другой – это было свидетельством вхождения России в круг стран, которые на основании появления собственных курортных местностей занимали не последнее место цивилизованном мире [5, с. 7].

Стоит отметить, что Крым после вхождения в состав Российской империи не сразу получил статус рекреационного региона. Лучшими для земледелия считались земли Южного берега Крыма. И. М. Муравьев-Апостол, посетивший юг полуострова в 1820 году, дал весомые подтверждения этому: "Слишком много встречал я в Тавриде таковых вообразительных усадеб, принадлежащих помещикам, которые, заняв место, не заботятся о том,

чтобы рука трудолюбия образовала оное к пользе их и общества: это пустоши, еще ожидающие возделания от виноградаря или садовника, <...> пространство, осужденное на бесполезность" [6, с. 162].

Екатерина II передала в пользование своим сановникам 288 тысяч десятин земли, которые почти не регистрировались, а документация велась не слаженно [5, с. 15]. Поэтому повсеместно происходили столкновения между действительными хозяевами приобретенных участков и, незаконно поселившимися ими, людьми. Новые владельцы не спешили наводить порядки на подаренной территории, а чаще всего оставляли ее на произвол судьбы. Сущность данной проблемы Н. С. Всеволодский находит в том, что "Полуденный берег, эта Италия России, заключает в себе все, что может усладить жизнь и доставить спокойствие человеку. Чего же недостает Крыму? Людей ... общества! Крым слишком отдален от столиц; ничто не привлекает туда селиться богатых. Следовательно, капиталы не проникают на полуостров и не дают способа развиваться промышленности, земледелию, наукам, художествам, этим источникам внутреннего изобилия, богатства и просвещения" [3, с. 80]. Не удивительно, что через тридцать лет после присоединения к Российской империи юг Крыма была в таком неприглядном виде.

Автор одного из лучших "Путеводителей по Крыму для путешественников" второй половины XIX века М. А. Соногорова сообщала туристам о достаточно скудной информированности общества о Южной части Российской империи в XVIII веке. Она задавалась вопросом: "Кто из русских путешественников заботился о нем [Крыме], зная что-нибудь до последнего времени? Несчастливая война на время сделала его предметом внимания России, но и самое это внимание было более отрицательного характера. Да и что было издано относительно Крыма? Либо сухие ученые исследования, весьма почтенные, но порою весьма скучные, да и то больше научные работы заезжих иностранцев, либо две-три фельетонные мелочи" [7, с. 2].

Решающим этапом в освоении полуострова стали события Крымской войны 1853–1856 гг., которые послужили началом новой эпохи в его курортном развитии. С этого времени увеличился интерес российской и европейской общественности к изучению и исследованию Крыма, как региона с уникальными историческими и культурными памятниками. Подтверждением последнего являются слова русского путешественника, писателя Д. Соколова, автора книги "Прогулка по Крыму с целью ознакомиться с ним": "После Крымской войны чаще и чаще стал повторяться Крым в речах торгового сословия, и в рассказах простолюдина, словом начал быть более известным, не так как прежде, когда о нем знали только люди

высшего сословия, и близкой ему соседней местности" [8, с. 1].

Становление туризма в Крыму происходило в период романтизма, когда степи, горы и леса полуострова являлись обетованной землей, куда стремились романтики. Литератор Л. Г. Фризман отмечал, что "Таврида, по сути – это воплощение романтической мечты о гармонии между людьми и природой, о любви, очищенной от всех искажающих ее влияний Северной Пальмиры" [1, с. 55]. Туристы ощущали здесь красоту жизни и природы, поэтому количество желающих посетить "благословенный край" и увидеть все его достопримечательности своими глазами со временем только возрастало. Одной из целей большинства приезжающих в Крым был пассивный отдых или лечение. Нельзя не согласиться с М. А. Сосногоровой, что "для русского путешественника с истинно-поэтической душой лучше Крыма не найдется в мире места" [7, с. 3].

Конец XVIII века стал начальным этапом в становлении и развитии туризма на Крымском полуострове. Путешествовать всегда было модно, страсть к странствиям служила признаком пылливости ума, любознательности, это отличительная черта авантюрных и творческих натур. В это время регион посещали преимущественно путешественники-одиночки с научными целями. В научных кругах тогда бытовала мысль о необходимости накопления большого количества знаний из разных отраслей науки.

Первыми были ученые, экспедиции которых финансировались Санкт-Петербургской академией наук, в которой наблюдалась наибольшая концентрация известных исследователей различных регионов Российской империи. Эта научная организация по поручению правительства провела ряд комплексных экспедиций в Крым, которые в соответствии с поставленными задачами делятся на: экспедиции астрономические и географические, и так называемые "физические" ученые путешествия [9, с. 168]. В задачи этих экспедиций входил значительный спектр исследований по изучению географии, истории, экономики, этнографии для определения экономического состояния Крымского полуострова. Безусловно, ученые со всей Российской империи, изучающие прошлое полуострова, его археологию, геологическое строение, флору и фауну, оказываются главными лицами в процессе становления массового туризма на Крымском полуострове.

В 1781–1782 годах академическая экспедиция адъютанта Василия Федоровича Зуева (1754–1794) отправилась на изучение Херсонского края и Крыма [10]. Основными целями В. Ф. Зуева в Крыму стали исследования сельского хозяйства, качество земель, их пригодность для земледелия, садоводства, табаководства; изучение скотоводства, рыбного и звериного промыслов. Резуль-

татами поездки стала "Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма 1782 года" [11], в которой сообщалось о социально-экономическом положении Крымского ханства, традициях крымских татар. Эти интересы путешественника объясняются необходимостью выяснения экономических возможностей южных районов, освоение которых входило в первоочередные задачи правительства. Следует отметить, что труд В. Ф. Зуева был настолько важен для развития исторического краеведения полуострова конца XVIII века, что сразу же был опубликован в ведущих научных изданиях Академии наук [12, с. 13].

Следующим популяризатором знаний о Крымском полуострове стал геодезист Географического департамента Академии наук "обсерватор титулярный советник" Федор Осипович Черный (1745–1790). Инициатором путешествия в 1785 году была лично императрица, которая хотела знать географические координаты крымских городов [8, с. 127]. Результатом работы экспедиции Ф. О. Черного стала новая "Генеральная карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям" [9, с. 175]. Были определены точные географические координаты наиболее крупных городов Крыма – Перекопа, Евпатории, Севастополя, Феодосии [13].

Не менее важной вехой в изучении географии и этнографии Тавриды стало "Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей" [14], опубликованное Иваном Ивановичем Георги в двух изданиях 1776 и 1779 гг.

Физическое описание Таврической области подготовил вице-губернатор К. И. Габлиц (1752–1821) [15]. В 1783–1784 годах опись побережья Крыма от Тарханкута до Боспора Киммерийского проводил капитан 2-ого ранга И. М. Берсенев [16]; его дело продолжил И.И. Биллингс (1761–1806), в 1797–1798 годах составив описание берегов Черного моря в районе Тендры, Очакова, Одессы и устья Днестра [17].

В середине XIX века Крымский полуостров стал настолько популярным курортом, поэтому считалось дурным тоном не приехать сюда. "Крым должен заинтересовать вас во многих отношениях: его роскошная природа, климат, растительность, минеральные богатства – все это своеобразно, нисколько не похоже на остальное русское; затем его прошлое, его исторические воспоминания – да ведь это целый ряд поразительных событий, это сцена с прихотливыми каменными декорациями, среди которых самые разнообразные народы разыгрывали драму истории, начиная чуть не с сотворения мира!" – писала М. А. Сосногорова, призывая русскую общественность увидеть собственными глазами этот удивительный

регион [7, с. 3]. И действительно, творческая интеллигенция приезжала сюда в поисках вдохновения. Здесь побывали Грибоедов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. Бунин, А. И. Куприн, М. Горький, В. Брюсов и многие другие. Некоторые из них обзаводились частными участками. Это были А. П. Чехов, В. Волошин, А. И. Куинджи, К. А. Коровин, а также большинство других писателей и художников. Русская интеллигенция настолько была приятно удивлена красотой Юга России, что достаточно вспомнить слова писателя и поэта Всеволода Михайловича Гаршина, который писал жене следующие строки: "Будет просто преступление, если мы с тобою в будущем году не поедем в это же время или немного позднее сюда вдвоем! Теперь я все здесь знаю, и будет чудесно <...> чувствую себя в блаженном состоянии" [18, с. 386].

Отдельно следует выделить имя светлейшего князя генерал-губернатора Новороссийской губернии М. С. Воронцова. В 1820 году он стал владельцем имения Мартьян близ Никиты и Ай-Даниль. В последнем он посадил большое количество виноградников. В 1824 году Михаил Семенович расположился в Алушке. Спустя пятнадцать лет Южный берег Крыма украсил Алушкинский дворец. Светлейшему князю М. С. Воронцову принадлежит также одно из крупных нововведений на Юге России, а именно, пароходство на Черном море [5, с. 18]. Н. С. Всеволожский с большим почтением писал о том, что "граф Воронцов, нынешний начальник Новороссийский любит и лелеет его как милое свое дитя <...> Он заботится оживить, украсить и, если можно, обогатить Тавриду" [3, с. 82].

Первое впечатление, которое получали путешественники, заключалось в том, что Крым стремительно входил в новую эпоху, которая пришла на смену турецкому владычеству. Отечественные вояжеры оценивали это как возрождение полуострова, как "появление мира там, где еще недавно была пустыня". Как отмечал Н. Надеждин в 1844 году, XIX век стал временем, когда рушились стереотипы. Если в XVIII веке ученые верили в древние тексты, то теперь в современном ему ученом мире появилось больше поводов для сомнений: "столкнулись скептицизм XIX века и легкомысленный догматизм XVII века" [19, с. 5]. Ранее, отмечает исследователь, Северное Причерноморье было "заперто варварством" с четырех сторон, а теперь Скифия превратилась в Новую Россию, и "ничто не мешает пригласить древнего гостя на места, ранее некогда им посещенные и описанные, пройтись с ним рука-в-руку, и оставшиеся от него сказания свести с живой действительной природой" [20, с. 144]. Иностранцы зачастую сравнивали Россию со скалой: "она величавая, прельщающая, но и устрашающая", это "гигант, который склонился к ним головою, глядит на них ясными и умными очами, но готов движением всеобъемлющей руки захватить их и стряхнуть с лица земли". Южная Россия

это – "младший птенец монархии, который с каждым годом стремится более и более к усовершенствованиям" [21, с. 454–455].

Крымский полуостров (особенно Ялта) к концу XIX века стал превращаться в фешенебельный цивилизованный оздоровительный курорт, который был в состоянии конкурировать с большинством курортов Запада. В начале XX века А. Л. Бертье-Делагард справедливо отмечал, что присоединение Крыма привлекло внимание, в первую очередь, ученых и путешественников [22]. Факт незначительной популярности Крыма среди других мест отдыха, способствовал долгому сохранению духа романтики, исходившей от полуострова. Он представлялся "Райским садом" (таким его хотела сделать Екатерина II), отличным от "Пальмиры Севера" Санкт-Петербурга.

Влияние романтизма на мировоззрение путешественников было достаточно сильным, в традиции последнего они конструировали картину мира и использовали его мыслительные категории. Ключевым для европейцев XIX века был принцип историзма, требующего смотреть на движение истории как органический процесс. У всех явлений появилось дополнительное историческое измерение: их надлежало рассматривать в становлении, развитии, расцвете и упадке. В тексте Железнова читаем: "Эта страна, несомненно, была одним из самых первых обиталищ человеческого рода... Развалины зданий, надписи, надгробные камни встречаются здесь почти на каждом шагу... Если вспомнить сколько народов спорили из-за обладания этим клочком земли... Тавры, киммерийцы, скифы, греки, римляне, готфы, гунны, византийцы, каза-ры, русские, половцы, татары, генуэзцы, турки попеременно господствовали на южном берегу Крыма и оставили по себе более или менее ясные следы" [23, с. 6].

С конца XVIII века стала утверждаться тесная связь Крыма с античностью, с историей Древней Греции, которая становилась базовой в русской культурной памяти в противоположность "Крыму-татарскому", который воспринимался как "Чужой", как временное, локальное порождение европейской культуры. Русская литература активно участвовала "восстановлении" античного и средневекового Крыма (связанного со "спасительной" миссией России).

Европейцы, посещавшие Крым, неизменно представляли его своеобразной ориентальной диковинкой. Как справедливо подмечал С. Дикинсон, со времени посещения Крыма императрицей Екатериной II стал закладываться классический русский ориентализм. Россия встретила там восточную культуру, носителями которой были крымские татары – мусульмане. Восточная культура являлась онтологически отличной от христианской Европы, и это отличие легло в основу появления стереотипов,

выражавших "инаковость" [24].

Сама Россия становилась вполне уверенной в себе колониальной державой с имперской идеей, пронизывавшей культурные слои общества. В XIX веке поиск экзотичности Востока уже поддерживался традицией романтизма.

Несмотря на то, что русская администрация, многочисленные переселенцы из русских и украинских губерний Российской империи и других мест Европы, европейская архитектура все больше теснили и разрушали восточную культуру, Крым продолжали перевозить как ориентальный "уголок". Путешественники, как правило, встраивали культуру восточного народа в привычную для европейского сознания стадийную схему социального развития: дикость – варварство – цивилизация. Они оце-

нивали уровень их хозяйственного, социального и культурного развития.

Таким образом, присоединение Крыма к Российской империи в 1783 году и Крымская война 1853–1856 годов послужили толчком для развития социально-экономической жизни государства, а как следствие и ее курортной составляющей. Правительство Екатерины II предприняло комплекс мер, направленных на европеизацию инкорпорированных земель, в ходе которой осуществлялась реорганизация хозяйственной жизни, а также проводилось их активное изучение писателями, общественными и государственными деятелями, учеными. Путевые записки являются неотъемлемым источником как при изучении историко-краеведческого освоения края, так и при изучении средневекового историко-культурного наследия Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова / Л. Г. Фризман. – М., 1973.
2. Бобовникова Л. А. Ж. Ромм и П. Строганов в Крыму / Л. А. Бобовникова // Пилигримы Крыма. Осень – 2000. Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме (V Крымская международная научно-практическая конференция). – 2001. – Т. 1. – С. 51–58.
3. Всеволожский Н. В. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836–1837 годах : в 2 т. / Н. В. Всеволожский – М., 1839. – Т. 1. – 495, VI с.; Т. 2. – 524 с.
4. Андреев А. Р. История Крыма / А. Р. Андреев. – М.: Монолит – Евролинец – Традиция, 2002. – 276 с.
5. Мальгин А. В. Русская Ривьера: Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху империи; конец XVIII – начало XX века / А. В. Мальгин. – Симферополь: Сонат, 2006. – 352 с.
6. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб., 1823. – 337 с.
7. Сосногорова М. Путеводитель по Крыму / М. Сосногорова. – 2 изд. – Одесса, 1874. – VI, XIX, 362, 45 с.
8. Соколов Д. Описание его путешествия по Крыму / Д. Соколов. – Одесса, 1869. – 244 с.
9. Непомнящий А. А. Начало научного изучения Крыма / А. А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2008. – № 21. – С. 168 – 195.
10. Зуев В. Ф. Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. – СПб., 1787.
11. Выписка из путевственных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. – СПб., б/г. – С. 122 – 169.
12. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма : последняя треть XVIII – начало XX века / А. А. Непомнящий ; Ин-т украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 212 с. – (Серия : "Научно-справочные издания по истории Украины" ; вып. 46).
13. Курис И. Астрономическое положение городов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1881. – Т. 12. – С. 427–430.
14. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, веры, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей // И. Г. Георги. – СПб., 1776.
15. Габлиц К. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. – Симферополь, 1795.
16. Аркас В. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: Описание Херсонеса // ЗООИД. – 1848. – № 2. – С. 254.
17. Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / П. И. Сумароков. – СПб., 1803. – Ч. 1. – 271 с.; Ч. 2. – 272 с.
18. Гаршин В. М. Полное собрание сочинений / В. М. Гаршин. – М., 1934. – Т. 3. – 500 с.
19. Сабурова Т. А. Социокультурные представления русской интеллигенции первой половины XIX в.: автореф. дисс. д-ра ист. наук. – Омск, 2006. – 30 с.
20. Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. – 1844. – № 1. – С. 3–114.
21. Княжевич В. Путешествие по Южной-России И. Г. Коля, с эпиграфом из Овидия // ЗООИД, 1844. – № 1. – С. 400–456.
22. Бертъе-Делагард А. Л. Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – СПб., 1913. – Вып. 17/18. – С. 79
23. Железнов Н. И. Поездка в Крым в 1870 году // Сельское хозяйство и лесоводство. – 1871. – Ч. CVII. – С. 13–43, Ч. CVIII. – С. 1–17.
24. Dickinson, Sara. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2002. – Vol. 3. No. 1. – P. 3–5